

В

алентин Дмитриевич, большинство убеждено, что вы только детский писатель. Это вас огорчает?

— Безусловно, и даже очень. Но я не исключение. Та же участь постигла многих писателей. Например, Чуковского. Мысль, что читатель будет воспринимать его всего-навсего как автора «Мойдодыра», «Айболита», «Крокодила», забыв литературоведческие работы о Некрасове, Чехове, «портреты и этюды» о именитых современниках, рассматривая «От двух до пяти» как собрание детских анекдотов, приводила его в уныние, возмущала. Об этом, в частности, свидетельствуют записи в «Дневнике». 1933 год, ноябрь: «... у меня тоска одиночества... Ни один человек не знает даже, что я не только детский писатель, но и взрослый... Пришел Тарле и стал уговаривать меня бросить детские мои книги — и взяться за писание «таких книг, как о Некрасове». Сравнил меня с Сент-Бевом и проч. Недовольство собой возросло у меня до ненависти». 1934 год, июнь: «Теперь в Москве ко мне относятся так, будто я ничего другого не написал, кроме детских стихов, но зато будто по части детских стихов я классик. Все это, конечно, глубоко обидно». И так далее. А ведь Чуковский и мастер художественного перевода, и критик, обладавший тонким вкусом. Оказалось, что все его пророчества, и литературные, и общественные, высказанные им еще в дореволюционных статьях (одни — к счастью, другие — к великому сожалению), сбылись. Так, в 1914 году, перед самым началом мировой войны, Чуковский, анализируя беллетристику тех лет, делает вывод: гибель быта в русской литературе, презревшей так или иначе ту реальную человеческую личность, которая, единственная, вдохновляла и увлекала предшествующую, отбросившей жизненные, злободневные подробности бытия, оценка быта писателями как чего-то ужасного — страшный предвестник тяжелых испытаний. Даже Куприн, «единственный русский писатель, постигший тайну, поэзию и красоту быта», и тот в конце концов стал тяготиться бытом и издеваться над ним.

Но Чуковский и изумительный ученый. Исследуя детскую речь, он вскрыл причудливые закономерности детского мышления, заложил точную гуманитарную науку о человеке. Этнограф и языковед, доктор исторических наук Юрий Валентинович Кнорозов говорил мне, что не смог бы расшифровать древние иероглифы майя, если бы в свое время не был — конечно, заочным — учеником Чуковского, не прочел бы его «От двух до пяти». Детское стихотворство в ранней стадии развития, неотделимое от песни и пляски, — параллельно пути развития поэзии в первобытном обществе, где художественное творчество синкретично. Первыми, кто в конце XIX — начале XX века вдруг обнаружил, что детский рисунок представляет собой невероятную художественную ценность — в нем скрывается мощное человеческое мышление, — были итальянцы. Впоследствии Кнорозов сопоставил графику маленьких детей и первобытных людей. Сходство полное!

— Кто же еще из тех, «кто в мире может ворожить сплетением новых вечно-старых нот», незаслуженно отнесен в разряд «детских»?

— Маршак — великодушный лирический поэт. Кто, кроме него, вел в XX веке линию, основывающуюся на классической традиции? Иван Бунин.

— Но и Бунина, как свидетельствует Валентин Катаев, знали и ценили весьма немногие знатоки и любители русской литературы, «понимавшие, что он пишет намного лучше всех современных поэтов»...

— Увы... При этом у Маршака — абсолютно новое, страшно живое видение мира. Лирические стихи, к которым он неожиданно вернулся на старости лет после детских стихов, чудесны. Впрочем, Маршак с ними никогда и не порывал. Его переводы из Бернса, Блейка, Китса, Киплинга, Шекспира — образцы великой высокой классической поэзии, ставшие духовной пищей для нескольких поколений наших современников в самые трудные глухие времена. У Маршака прекрасная проза — «В начале жизни».

А Борис Заходер? Прозаик, драматург, сценарист научно-популярных фильмов, оригинальный поэт. И не только для малышей. Его иронические стихи, «заходерости», как он сам их называет, совершенно замечательны. Это и есть та самая линия классической поэзии, которая, как считалось, сброшена с парохода современности, следовать ее образцам — занятие презираемое.

— «Детский писатель» — насколько, на ваш взгляд, обосновано это определение?

— Думаю, если бы теперешний поэт написал «Салтана», «Песнь о вешем Олеге», «Зима недаром злится...», «Люблю грозу в начале мая», «Беллет парус одинокий», почти все баллады Жуковского, половину стихов Фета, его назвали бы детским. Потому что это близко и понятно детям. А в четвертом классе мне нравились три поэмы Лермонтова: «Мцыри», «Демон», «Беглец». Почему же ни Пушкин, ни Жуковский, ни Тютчев не догадывались, что они могут быть «детскими»? А «Песнь о Гайавате» Лонгфелло, которую замечательно перевел Бунин? Что это? То общее для взрослых и детей — классическая поэзия.

При своем рождении поэзия пронизывала все стороны бытия. Стихами писали даже законы. Вся Библия состоит из стихов!.. А потом великие романтики поэзии стали вымирать. Наступило суровое время для человечества. В черновиках об искусстве Лев Толстой писал, что не приветствует бурное развитие трех чувств в нашей поэзии: гордости, похоти, тоски жизни. Что и стало основным содержанием новой поэзии в конце прошлого века и победило в нынешнем. Ну а зачем тогда живешь, если тебе в этом мире так противно?

Мы, «детские» поэты, как кроты, сидим в «темноте», нас и за поэтов не считают. Но мы мало-помалу восстанавливаем рухнувшее здание классической поэзии, в крушении которой, думаю, повинны и сами наши гении.

— Вы, пишущий в старой манере, как бы оторазиваетесь от авангардистов, они вам чужды?

— Нет, авангардизм полезен, в том числе для поэзии, однако он не должен быть господствующим направлением в искусстве. Скорее, это лаборатория, где разрабатываются новые формы стихосложения, идет занимательная игра с языком, словами, поиск своего способа выразить движение души. Без авангардизма не может развиваться детская поэзия. Не случайно Маршак «обернутов» — Хармса, Введенского — завербовал в детскую поэзию; кроме прочего, для них это было возможностью печататься, необходимым заработком.

Как-то Асеев, который как был, так и остался футуристом, что бы про него ни говорили, сказал мне: «Когда в своей лирике будете таким,

какой вы в ваших детских стихах, тогда станете поэтом! Я стал поэтом, когда написал:

«Тулумбасы, бей, бей,
Запороги, гей, гей!»

Напротив, я не вижу смысла включать подобные стихи в лирику. Скорее, это юмористика. Хотя не отрицаю, люблю повалить дурака.

— Писать стихи для детворы означает для вас «валить дурака»?

— И не только. Это школа стиха. И разрядка. И возможность безнаказанно радоваться, ведь стон стоит великий.

«Мировая поэзия сейчас очень грустна.

Хор поэтов, в отличие от птичьего хора,
Даже если расцвет, даже если весна,
Про былые невзгоды забудет не скоро.

Как и птицы, поэты поют о любви,
Но все больше о боли, изменах, разлуке.

Правда, есть у поэтов свои слововы,
У которых сладки даже горькие звуки»...

И, конечно, мои стихи для малышей — это игра с детьми. А они — могучие мыслители, фантазеры и любители парадоксов. Они заново открывают и осваивают мир. И все они, если вслушаться в их разговоры во время игры или рисования, сами сочиняют стихи, пусть и не всегда в рифму. Не все родители это замечают. Когда мой внук был маленьким, однажды проснувшись, он зарифмовал кончик своего сна: «Все четыре собачонки кинулись ко мне в ручонки!» И был ужасно доволен. А попозже, лет в пять, продекламировал:

«Ну и храбрый у нас бутерброд,
Даже рту говорит: "Идиот!"

А рот удивился

И с бутерброда свалился».

Как доказал Чуковский в «От двух до пяти», в двухлетнем возрасте все мы до единого — гениальные исследователи языка и поклонники поэзии, а первые рифмы — это слоги, составляющие слова «ма-ма», «па-па», «ба-ба».

«Я лирных звуков наслаждение младенцем чувствовать умею», — сказал Пушкин. Слова его можно отнести ко всем малышам; но люди подрастают и забывают об этом, а Пушкин не забыл. «И в вымыслах носился юный ум». Это свойство ума он сохранил: «Над вымыслом слезами обольюсь»... Твор-

Валентин Берестов: Мы, как кроты, сидим в темноте, нас и за поэтов не считают

ческое состояние, вдохновение, охватывающее каждого малыша в его играх и во встречах с песнями и сказками, Пушкин запомнил, ошенил и пронес через всю жизнь. А старуха «в шушуне, в больших очках и с резвою гремушкой» («Наперница волшебной старинной»), «в щепце, в старинном одеянье» («Сон») назвал своею музою, оставившей меж пелен завороченную свирель.

Помнить проносившиеся в сознании младенческие видения, понимать их значение — это чудо самопознания. Все для поэта начиналось с них. Даже «Онегин». Вот черновик 1-й главы:

«И детства милье виденья
В усталом, томном вдохновены,
Волнуясь, легкою толпой
Несутся над моей главой».

То же в стихах «Возрождение». Оживает душа, исчезают «заблужденья», и «возникают в ней виденья первоначальных чистых дней». Какие же? Да те же самые, что и в прологе к «Руслану и Людмиле», где «лес и дол виденный полны». Вспоминая раннее детство, поэт возвращается также и к своей детской вере, к глиняной лампадке под образом, к молитвам мамушки, отгоняющей нечистую силу, а потом и к грезам о жизни и смерти, когда «надеждой сладостной младенческой дыша», он верил в грядущее воскресенье.

Главное впечатление младенчества — счастье; разрозненные воспоминания раннего детства — золотой запас поэта. Это «утро дней златых», это «две-три весны», когда поэт младенцем «счастливым был, не понимая счастья», это «краткий путь, усыпанный цветами, которым я так весело протек», это ничем не стесненное общение с «богинями песнопений», которые «еще в младенческую грудь вливали искру вдохновения и тайный указали путь». «На слабом утре дней златых» муза «осенила» будущего поэта, когда, «горним светом озарясь, влетала в скромную келью» и «чуть дышала, преклонясь над детской колыбелью»...

В свое время я переводил с французского бельгийского поэта Мориса Карема. Почти все стихи у него «общие» — и для взрослых, и для детей. Ему удается писать даже для самых маленьких. В юности он называл себя Морисом Вийоном, его дед был ярмарочным торговцем, и Морис много путешествовал с ним по свету. Став уже «настоящим» поэтом, Морис написал книжку «Шестидесять иллюстраций для игры в боска», сам даже не очень понимая, что он «сотворил!» Нежданно его совсем другие, ранние стихи опубликовал журнал бельгийского Красного Креста. Издание вызвало сенсацию среди школьников — в том числе учеников Карема и его жены. Обнаружив эти стихи, девочки спросили жену Мориса: «Мадам, не ваш ли муж их написал?» — «Да, это он». — «Но ведь так может написать каждый» — «Пожалуйста, пишите!» И они написа-

ли. С той же просьбой в своем классе Карем обратился к мальчикам. А потом — выпустил книжку этих ребятшек, снабдив своими комментариями. В ней открывался целый мир!

Поэт XX века, обращающийся к детской теме, имеет дело с чем-то очень существенным. В целом наш век ужасный. Вместе с тем в науке его не случайно называют веком ребенка, потому что именно XX век серьезно отнесся к детскому мышлению, творчеству. Еще в XIX веке были уверены в том, что малыши вообще не мыслят, так, кстати, считал Белинский, полагая, что мозг ребенка — чистая доска, на которой можно написать все что угодно. Но на этой «доске» уже «написано» страшно много! Память всех миллионов — от появления на Земле самых простейших организмов. От рождения до пяти лет ребенок проделывает, что убедительно показал Кнорозов, весь путь развития человечества до возникновения письменности, государства. После этого как бы наступает период ученичества. По сути все мы все-таки школьники. И, кстати, детство — единственная на сегодня «сфера», где наука чувствует себя более или менее уверенно, где человека в какой-то степени знают. Например, нам известно, какая поэзия необходима детям. Для тех, кто пишет для возраста «от двух до пяти», Чуковский составил заповеди.

— Их верность подтверждена писательской практикой, и в частности вашими светлыми, веселыми стихами для детей.

— Да, я попробовал выполнить заповеди Чуковского. Результат сокрушительный: ничего другого из написанного мной читатель почти не видит.

— Почему?

— Причина абсолютно та же, что и у Чуковского, Маршака, Заходера. Главные читатели, потребители стиха — те, кто не умеет читать. Самыми огромными тиражами у нас издаются книги для маленьких детей. У меня таких книг немало. В 27 лет я собрал свои лирические стихи в небольшую книжечку «Отплытие». И тогда же, эксперимента ради, за два дня сочинил стишок в сорок строк «Про машину»:

«Вот девочка Марина,
А вот ее машина...»

Поначало хотел написать басню про нашу политизированную экономику. Помните, девочка обращается к игрушке, как к живым существом: кормит, ублачивает? Но попробуй машина начать двигаться — беда. Куда она сама уедет?.. Нечаянно получились строчки детских стихов, и Сергей Баруздин, в то время он писал только детские стихи, объявил мне, что тираж книжки будет не меньше миллиона экземпляров, проиллюстрируют ее Владимир Лебедев или Владимир Кондашев. Баруздин отнес это

Музы

рали» наши. Досадно, что в свое время Михалков поддался общему настроению, разгромив не понравившуюся «наверху» чудную книжку Олега Григорьева «Витамин роста». Пришлось побороться за Олега. К сожалению, безуспешно. Тогда сняли и директора «Детгиза» Галину Кузьминичну Пешехову, и очень хорошего дошкольного редактора Марину Титову. Случившееся напоминает мне шутку: отец высек сына за то, что у него все «пятерки», он не знал, что это высшая оценка. Как только у нас кто-нибудь напишет на «пятерку» — так его тут же секли.

Вообще же я очень благодарен дореформенному издательству «Детская литература» за то, что под детской обложкой оно однажды издало и мои взрослые стихи. Это затея чуждаурядного директора Константина Федоровича Пискунова. Как-то звонит мне редактор: «Пожалуйста, стихи о любви, которые читали Константину Федоровичу!» — «Как? Вашему издательству?» — «Да, ваша любовь прекрасно укладывается в рамки «Детгиза». Я немножечко обиделся, но стихи принес. На обложке этой книжки было изображение двух влюбленных под часами, показывающими очень поздний час.

— Вы помните свой дебют?

— Первое детское стихотворение про короля с картонным мечом я сочинил в 14 лет для двоюродного брата. Всегда пишу стихи для конкретного ребенка. Все стихи для дошкольников, начиная с первой книжки «Про машину» и кончая «Читалочкой», написал для дочери Марины. Это она, научившись читать, воскликнула: «Как хорошо уметь читать!» А остальное я тут же досочинил. И хотел на этом остановиться. Но не вышел.

Обычно поэты зарабатывали на жизнь переводами. Кроме того, что это дико тяжелая работа, перевод с подстрочника сбивал руку. Зарифмовать можно все что угодно и в любой форме: «А-Б-А-Б» или «А-Б-Б-А-А». Шутки ради к юбилею Валентина Катаева я переложил стихами страницу из его повести «Хуторок в степи». Получилось весьма неплохо, он очень хохотал.

Не бросая археологию, поисковые экспедиции, подрабатывал в «Центрнаучфильме», в объединении «Радуга», писал дикторский текст к тележурналу «Хочу все знать» и другим научно-познавательным лентам для детей. Нередко — стихами. Так мне было легче. Допустим, деревянные игрушки художника Федора Глебова. Невольно получилось:

«Петушки распетушились,
Но подрасть не решились.

Если очень петушиться,
Можно перышек лишиться.

Если перышек лишиться,
Нечем будет петушиться».

Когда писал для малышей, старался сказать что-то существенное, ведь дети мыслят крупно, диалектически, у них всегда необычайно яркие чувства. Разгадал меня один генерал-полковник, когда я читал «Петушков» в воинской части:

«Полագаете, товарищ поэт, петушки должны быть лучше оснащены?» — «Результат будет тот же, товарищ генерал!» — ответил я швейковским голосом. Почти та же ситуация повторилась с «Петушками» в Швеции. Прочитав их — это было еще до перестройки, — переводчица изумилась: «Невозможно, чтобы такие стихи ходили в вашей стране! Вы же имеете в виду положение в мире?!» — «Выходит...» Однако генерал оказался гораздо проинтеллигентнее. Хотя, разумеется, речь шла и о настоящих петушках, и о мальчишках-драчунах.

— Чуть ли не хоромным тоном считаются обиды и жалобы во время. Вам уютно в сегодняшнем дне?

— Мое время сейчас. При всей его сложности чувствую себя в нем по сравнению с предыдущими годами увереннее. Очень многое уже зависит и от меня, каких-то ростков самостоятельности, предприимчивости.

«Страна всплывает, как со дна морского,
Вся в водоросли, в тине и в гряды.

И столько здесь волнения мирского
(Взвывает! Взрывает! Взвывает! Вывозит!),
Что чуда настоящего не видишь,
Хотя почти немисливо оно.

А это выльывает Кутеж,
Когда-то канувший на дно».

Сейчас у меня такое мироощущение.

В студенческие годы я вел раскопки в древнем Новгороде. Стоял на тех мостовых, заходил в те дома... В течение трехсот с лишним лет эта часть Руси величайшей с нынешнюю Францию была демократической республикой. И сумела устоять, не допуская к себе ни Орду, ни Орден. И расширить свои территории, и освоить Север. И, будучи окном в Европу и Азию, стать связанной со всем миром, и входить в Ганзейский союз. И создать великое искусство: новгородскую школу иконописи, церковную архитектуру. В память о Великом Новгороде — изумительные былинны о Салко, Василии Буславе, про Вавилу и скоморохов. «Скоморохи — люди не простые. Скоморохи — люди святые». Пушкин этого не знал, но это ничуть не помешало ему дойти бы процитировать новгородскую былинку:

«Волхвы не боится могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесной дружен»

Задумайтесь, маленький «город вольницы» Торжок остановил «степного льва» прыжок. И хотя Батый и взял его, дальше не двинулся. Говорят, «Новгород спасло, что, как назло, в распутицу дороги развезло». Возможно, доля правды в том есть. Но Батый же мог дойти до цели попозже, разграбить богатый Новгород — одно удовольствие. А он, повторяю, отчего-то остановился. И новгородцы вернулись в Торжок и восстановили город, и возобновили вече, вернули республиканские порядки. Но у нас почему-то этот «кусок» истории не обоснуется.

По-моему, то, что, приступая к построению демократического общества, у нас никто не взял на вооружение опыт Великого Новгорода, нанесло урон нашему самосознанию. Увы, мы не ставим себе в заслугу и «стояние на Угре» в 1480 году, когда битва великого князя Ивана III с ордынским ханом Ахматом окончилась без боя. А ведь то, что без боя, — и было нашей главной победой...